

УДК 821.133.1"15"
ББК 83.3 (4Фра)511-8,3
DOI: 10.46726/H.2020.4.13

В. Е. Цивилева

ИУДЕИ НА ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ЗАПАДЕ: СЛУЧАЙ НА МЕНОРКЕ

В статье анализируются изменения в положении иудеев в период поздней Античности. В связи с христианизацией империи положение представителей прочих конфессиональных групп изменилось. В частности, иудеям стала недоступна административная и военная служба, были запрещены межконфессиональные браки, пресекался прозелитизм. Ухудшилось не только правовое положение. Церковные власти всячески ограничивали и простое повседневное взаимодействие, а иногда некоторые епископы шли дальше и становились инициаторами конфликтов, которые заканчивались разрушением синагоги, обращением или изгнанием иудеев. Одним из самых известных подобных случаев является иудео-христианский конфликт на острове Менорка в начале V века, описанный в письме меноркского епископа Севера. Автор рассказывает, как под влиянием чудес, произошедших в присутствии мощей святого Стефана, недавно прибывших на остров, местные иудеи приняли христианство. Но некоторые «оговорки» автора говорят нам скорее о насильственном обращении. Случай на Менорке является далеко не единственным примером насильственного обращения иудеев в данный период. Но, несмотря на некоторую напряженность и периодически вспыхивавшие конфликты, иудеи оставались членами позднеантичного общества, их религия не была запрещена, защищалась законом и имела некоторую автономию.

Ключевые слова: поздняя Античность, иудео-христианские взаимоотношения, конфликт, Кодекс Феодосия, письмо Севера, Менорка.

V. E. Tsivileva

JEWS IN THE LATE ANTIQUE WEST: THE CASE OF MINORCA

The article analyzes the changes in the position of the Jews in the period of late Antiquity. Due to the Christianization of the Empire, the position of other confessional groups changed. In particular, administrative and military service became inaccessible to Jews, interfaith marriages were forbidden, and proselytism was suppressed. It is not only the legal status that has deteriorated. The Church authorities also restricted simple daily interaction in every possible way, and sometimes some bishops initiated conflicts that ended in the destruction of the synagogue, the conversion or expulsion of Jews. One of the most famous such cases is the Judeo-Christian conflict on the island of Minorca in the early fifth century, described in a letter of the Bishop of Minorca Severus. The author tells how, under the influence of miracles that took place in the presence of the relics of Saint Stephen, which were recently brought to the island, the local Jews converted to Christianity. But some of the author's «reservations» tell us about forced conversion. The case of Minorca is not the only example of forced conversion of Jews during this period. But despite some tensions and occasional conflicts, the Jews remained members of late antique society, their religion was not prohibited, protected by law, and had some autonomy.

Key words: late Antiquity, Judeo-Christian relations, conflict, Code of Theodosius, letter of Severus, Minorca.

© Цивилева В. Е., 2020

Христианизация Римской Империи оказалось определяющим макро-событием для Европы периода поздней Античности. На протяжении IV века христианство стало сначала одной из разрешенных религий (при Константине I), а затем и практически государственной религией (при Феодосии I). Такое развитие событий не могло не повлиять на положение других конфессиональных групп в государстве.

Среди прочего христианизация Империи повлияла на положение иудеев и на состояние самих иудео-христианских взаимоотношений в целом, хотя о сложности и динамике этого межконфессионального диалога в тот период известно лишь по немногочисленным источникам (законодательные, агиографические, эпистолярные, исторические сочинения), где так или иначе затрагиваются или упоминаются отношения иудеев и христиан.

Анализ этих текстов показывает, что положение иудеев действительно изменилось, причем не в лучшую сторону. Особого внимания к себе в этой связи требуют правовые документы, в частности Кодекс Феодосия и законодательство Юстиниана, позволяющие судить об изменениях в правовом статусе иудеев.

Если до узаконения христианства и превращения его в господствующую религию правовой статус иудеев в Римской империи практически ничем не отличался от положения других римских граждан (к III веку они сами стали полноправными гражданами, были интегрированы в римское общество, и спорным оставался лишь вопрос прозелитизма), то с христианизацией Империи их положение стало явно ухудшаться. Согласно Кодексу Феодосия, иудеям была запрещена военная и административная служба (CTh. 16.8.16, 404 год)¹, обращение в иудаизм было запрещено (CTh. 16.8.1.1, 315 год; 16.8.26, 423 год), также преследовались иудействующие христиане (CTh. 16.8.19, 409 год); кроме того, действовал запрет на приобщение рабов к иудаизму (CTh. 16.9.1), а затем запрет иметь рабов-христиан вообще (CTh. 16.9.2, 399 год; 16.9.4, 417 год; 16.9.5, 423 год).

Какие-то изменения, по существу, уравнивали иудеев с христианами и язычниками. В частности, было отменено освобождение иудеев от исполнения куриальных обязанностей (CTh. 16.8.3, 321 год; 16.8.2, 330 год). Эта их привилегия прежде основывалась на невозможности иудеев в языческие времена занимать должности, которые предполагали принесение жертв, в христианской империи же с исчезновением из административной практики жертвоприношений путь в куриалы стал открыт в том числе и иудеям. Но поскольку в Римской империи от этого бремени были освобождены лица, исполняющие священнические обязанности, то подобная привилегия коснулась и христианских, и иудейских служителей культа (CTh. 16.8.4, 331 год).

Но были запреты, ставящие преграду между иудеями и христианами. В частности, запрещались браки между иудеями и христианами (CTh. 16.8.7, 339 год; 3.7.2; 9.7.5), что является свидетельством того, что смешанные браки были в той или иной степени распространены и, по всей видимости, являлись одним из способов распространения иудейской религии в римском обществе, что и беспокоило христианских законодателей. Также было запрещено строительство новых синагог (CTh. 16.8.27, 423 год), разрешалось разрушение синагог в пустынных, безлюдных местах (CTh. 16.8.22, 415 год).

¹ Ссылки на Кодекс даются в тексте с указанием номера постановления и года его издания по электронной версии: Imperatoris Theodosii Codex. URL: <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/public.htm>

С другой стороны, иудеи, обратившиеся в христианство, были защищены от насилия (СTh. 16.8.1, 315 год; 16.8.5), новообращенных нельзя было лишить наследства (СTh. 16.8.28). Учитывая, что данные законы были рескриптами [6, р. 639], указаниями по конкретным случаям, можно сделать вывод, что обращение иудеев в христианство происходило нередко, что вызывало бурное недовольство со стороны их прежних единоверцев (в законе 16.8.1 говорится о ярости иудеев и побиении камнями новообращенных), и в свою очередь требовало контроля со стороны государства.

Но при этом иудейская религия не была запрещена, синагоги были защищены от разрушения. Закон от 393 года (СTh. 16.8.9) гласит: «Секта иудеев не запрещена никаким законом... те, кто под именем христианской религии попытается разрушить или разграбить синагоги, будет наказан с подобающей строгостью». Затем было издано еще несколько подобных законов (СTh. 16.8.12, 397 год, СTh. 16.8.20, 412 год и СTh. 16.8.25, 423 год). Особенно интересен закон СTh. 16.8.21 от 412 (или 418) года, который защищал не только синагоги, но и частную собственность иудеев, и запрещал самосуд: если иудей нарушил закон, он должен был понести наказание по закону, — а это, пусть и косвенно, подтверждает, что подобные случаи были.

Что касается синагог, то они традиционно были центром жизни иудейской общины, в некоторых местах они исполняли роль местных муниципальных зданий, которые облегчали повседневное общение между иудеями и другими местными жителями, там решались деловые и гражданские вопросы. Если же судить по вышеназванным законам, то, учитывая, что запрет разрушать синагоги повторялся минимум пять раз за тридцать лет, становится очевидным, что синагоги раз за разом подвергались нападениям и разграблениям со стороны неиудейского населения.

При этом государство с уважением относилось к традициям иудеев, они были освобождены от всякой деятельности в субботу (СTh. 16.8.20.1, 412 год). Империя признавала иудаизм как религию со своей определенной сферой деятельности. Было определено автономное иудейское религиозное руководство, которое было по-прежнему освобождено от личных и гражданских литургий (СTh. 16.8.2, 330 год; 16.8.4, 331 год). Иудеи имели собственный рынок (СTh. 16.8.10, 396 год) и суд, в который было запрещено вмешиваться имперской администрации (СTh. 16.8.8, 392 год). Но его полномочия постепенно ограничивались; по закону 415 года, судебные тяжбы между иудеями и христианами должны были передаваться на рассмотрение наместников провинций (СTh. 16.8.22).

Таким образом, с начала V века имперская администрация была почти полностью закрыта для иудеев (хотя практика могла отставать от предписаний), было запрещено строительство новых синагог и всячески пресекался прозелитизм, что является продолжением еще языческой имперской политики. Но при этом, начиная с конца IV века, имперское правительство неоднократно осуждало и объявляло вне закона насильственные действия в отношении иудеев. Были подтверждены привилегии, связанные с религиозной практикой, в отношении синагоги как ядром религиозной и общинной деятельности. Иудейские общины оставались под защитой законодательства. Их религия не была запрещена, в отличие от язычества и ереси.

Можно заметить, что государственная власть в Империи пыталась сохранить баланс между влиянием христианской религии на государство и законодательство и стремлением защитить всех своих граждан вне зависимости

от конфессиональной принадлежности, сохранить спокойствие и гражданский порядок.

Хотя это законодательство нельзя назвать антииудейским, эти «законы фактически ставили иудеев (чем дальше, тем больше) в положение людей второго сорта, вводя для них все больше запретов и ограничений. Одновременно при этом законность существования иудаизма никогда не ставилась под сомнение и привилегии иудейского духовенства никогда и никем не отменялись» [1, с. 343]. Но стоит также отметить, что многие постановления повторялись из года в год, что говорит об их неисполнении.

Если имперская власть пыталась сохранять баланс сил и предотвращать конфликты, то представители церкви в своем стремлении ограничить какое-либо влияние иудеев на христианский мир шли дальше.

Решения поместных церковных соборов зачастую не только повторяли имперское законодательство в отношении иудеев, но также пытались контролировать и повседневную жизнь людей. Например, часто запрещались совместные трапезы с иудеями, участие в их брачных пирах [2, с. 34] и прочее. Но опять же, как и в случае со светским законодательством, постоянное повторение этих церковных предписаний говорит нам о том, что они нередко игнорировались.

Действия иерархов Церкви в отношении иудеев не ограничивались принятием церковных постановлений. В позднеантичных источниках мы также довольно часто встречаем сообщения о конфликтах христиан и иудеев, которые обычно проходили под руководством местных епископов и заканчивались обращением иудеев в христианство, разрушением местной синагоги или изгнанием непокорных иудеев из города.

Эти события соответствовали модели, которая стала тревожно предсказуемой в конце IV и начале V в. В этот период синагоги были сожжены или преобразованы в церкви во многих городах: Калликоне, Александрии, Антиохии, Риме, Аквилее и Магоне.

Особенно примечательным является случай разрушения синагоги в Калликоне, городе на Евфрате (388 год). Когда император Феодосий приказал восстановить синагогу и наказать виновных христиан, это вызвало активную реакцию таких известных представителей христианского мира, как Симеон Столпник и Амвросий Медиоланский. Сохранилось несколько писем Амвросия, где он рассказывает об этих событиях и о своем споре с Феодосием. Он писал императору: «Думаю, нет ни одной веской причины для твоего негодования и сурового приговора народу за поджог. Истреблена синагога, место зловерия, дом нечестия, вместилище безумия...» (*Ambr. Ep. 74(40), 14*; пер. Д. Е. Афиногенова). В результате Феодосий, по признанию Амвросия, пошел на уступки христианам и отменил свое решение, о чем якобы сказал епископу: «Действительно, я судил чересчур сурово о том, что синагогу надо восстановить епископу, но это правильно. Монахи совершают много преступлений» (*Ambr. Ep. ex. 1(41), 27*; пер. Т. Л. Александровой). Но при этом он заявил, что «исправит ошибку», указ о наказании христиан и возмещении ущерба был отменен. Это уникальное событие, когда император отменил свое решение под давлением епископа, пошел против законов Империи.

Однако самым интересным и наиболее подробно описанным является случай на Менорке в начале V века. Об этом конфликте нам сообщает письмо меноркского епископа Севера, которое является единственным источником, непосредственно отражающим иудео-христианские взаимоотношения на позднеантичном Западе.

Несмотря на некоторые дискуссии относительно происхождения данного послания [4, с. 7—10], сейчас его подлинность считается доказанной, и также отмечается, что оно содержит уникальную информацию о положении конкретной иудейской общины на Западе и ее взаимоотношениях со своими христианскими соседями [5, р. 2].

Епископ Север в своем письме, обращаясь к «святейшим и блаженнейшим господам, епископам, священникам и всему братству», рассказывает о событиях, которые произошли на острове в 418 году; а именно о том, что после прибытия на остров мощей святого Первомученика Стефана между христианами и иудеями произошел конфликт. Как видно из текста письма, до этого они сохраняли теплые отношения, но «теперь ушла обычная готовность приветствовать друг друга, и разрушились не только привычные приятельские отношения, но и вредоносное подобие любви было обращено в преходящую ненависть, впрочем, ради любви к вечному спасению. На всех улицах велись битвы против иудеев за закон, а во всех домах — сражения за веру» (§ 3; col. 823)².

С самого начала и на протяжении всего письма Север пытается убедить читателя, что случившееся произошло не по вине или не из-за усердия христиан, а что это была реализация Божественного плана, пытается доказать неизбежность произошедшего (через многочисленные параллели со Священным Писанием и описание множества произошедших чудес).

Но при этом в тексте также присутствуют множественные «оговорки» самого автора, которые сообщают нам, что это было скорее насильственное обращение. Например, один иудей по имени Галилей говорит в письме: «Я призываю вас всех в свидетели, что не могу я быть иудеем, потому что имею христиан совладельцами в своем имении, из-за ненависти которых я могу быть убит, если предпочту упорствовать в иудаизме. Поэтому я, учитывая угрозу для моей жизни, отправлюсь сейчас в церковь, тем самым избегу смерть, которая мне готовится» (§ 14; col. 829). Другой иудей подтвердил его слова и сказал, что боится такой же участи. Причем и сам Север добавляет, что Галилей «говорил истину», то есть он не отрицает потенциальную угрозу для иудея. Когда же многие иудеи решили обратиться, Север оговаривается, что «на самом деле, почти никто из них не заклинал, что открыто ощущал силу Христа» (§ 14; col. 828).

А первый обратившийся, Рувим, уговаривает первосвященника иудеев, Феодора, принять христианство такими словами: «Если действительно хочешь быть в безопасности, уважаемым и богатым, верь во Христа, как и я поверил» (§ 12; col. 826).

Другой иудей, обсуждая со своим другом возможный побег с острова, говорит: «Поскольку на этом острове такая ненависть посеяна среди всех к нашей религии, что никто, кроме оставивших родину, не может сохранить веру отцов, почему же нам не удалиться в добровольное изгнание, коль скоро, как ясно, даже против воли своей мы обречены на него из-за ненависти жителей города?» (§ 13; col. 828). Эти слова, как и некоторые другие оговорки, свидетельствуют скорее о принуждении и угрозах, чем о добровольном крещении.

Также, возможно, во всей этой истории сыграла важную роль личность самого Севера. Он был избран епископом совсем недавно, за несколько дней

² Ссылки даются в тексте с указанием параграфа и номера столбца по изданию: *Epistula Severi ad omnem ecclesiam, de virtutibus ad judaeorum conversionem in Minoricensi insula factis in praesentia reliquiarum Sancti Stephani* // PL. T. XLI. Paris, 1845. Col. 822—832.

до прибытия на остров мощей святого Стефана. До его избрания отношения между иудеями и христианами на острове, судя по всему, не отличались враждебностью. Иудеи обладали общественным авторитетом, в том числе и среди христиан, занимали административные должности, владели поместьями. И несмотря на то, что перемену в их отношениях Север связывает с прибытием на остров мощей Стефана, не исключено, что имела влияние и личность епископа, его личное стремление обратить неверных, тем более, что они были такими значимыми в обществе людьми.

В результате конфликта была сожжена синагога, на ее месте была построена базилика, а пятьсот сорок иудеев острова, по словам автора послания, были обращены в христианство (§ 29; col. 832). И хотя Север старается убедить читателя, что это событие было актом исполнения Божественной воли, что иудеи обратились под влиянием произошедших чудес, содержание письма, оговорки автора, говорят нам о другом: о запугивании и применении насилия.

Таким образом, письмо Севера сообщает нам о локальном иудео-христианском конфликте, содержит информацию о положении иудейской общины на Западе Империи и о ее взаимодействии со своими соседями-христианами; показывает, как легко это взаимодействие из мирного и дружественного может перейти к конфронтации и конфликту. А вышеупомянутые примеры говорят о том, что это событие само по себе не уникально. Случай на Менорке вписывается в общую картину иудео-христианских взаимоотношений в поздней Античности.

Но описания многочисленных конфликтов не должно вводить нас в заблуждение, будто отношения иудеев и христиан носили только негативный характер. Нужно учитывать, что эти источники — письма епископов, агиографические произведения, или иные тексты, авторами которых были христиане — могут быть не совсем объективными, так как их авторы подчеркивали чуждость иудеев христианской религии и христианам, сосредотачивались на противостоянии и конфликтах, которые заканчивались торжеством христианства. «Христианское письмо не могло не быть апологетическим письмом. Почти все без исключения христианские источники представляют нам христианскую историю в терминах генеалогии происхождения и триумфального повествования о христианизации» [7, p. 11—12].

О мирном взаимодействии упоминается редко, но все же упоминается. Например, иудеи характеризуются как активные защитники города от неприятеля (*Proc. BG V(I)*, 8, 41), или рекомендуются в качестве поверенных (*Sid. Ep. VI*, 11, 1). Мирное взаимодействие упоминается и в письме Севера. Косвенно о хороших иудео-христианских отношениях нам говорит и постоянное повторение ограничений, например, запреты на межконфессиональные браки, совместные трапезы и прочее. Видимо, их повторение обуславливается неисполнением.

Но при этом конфликты все же имели место быть, как мы видели это выше. Их инициаторами, как правило, выступали местные епископы. Как справедливо отмечает Джеймс Паркес, когда с иудеями случается беда, то она «исходит явно от церковных или имперских властей, а не от населения» [8, p. 189]. Это во многом связано с усилением роли епископов на местах в тот период, имперская власть уже не могла контролировать ситуацию, вынужденно отдавая инициативу в руки иерархов Церкви [9, p. 527], которые порой вполне успешно конкурировали со светской властью и *de facto* исполняли административные функции. Пользуясь этим, епископы иногда обращали свою власть против иудеев, несмотря на то что это противоречило законам

Империи. И в зависимости от личности самого епископа диалог между христианской и иудейской частями общества мог выстраиваться либо драматичным для иудеев образом, либо на принципах относительной терпимости.

Стоит отметить отношение и настроение самого христианского народа. На протяжении веков в христианском обществе складывался негативный образ иудея, в том числе благодаря традиционной для христианских пастырей антииудейской церковной полемике (см., напр.: [3, с. 85]). Эта антииудейская риторика не могла не влиять на отношение к ним, поэтому переход от добрососедских отношений к враждебности был таким легким. Призывы епископов попадали на подготовленную почву, негодование общества легко было направить именно на иудеев, они становились жертвами стереотипов, характерных для христианской картины мира, где иудей был источником опасности для Церкви.

Итак, изменения, которые произошли в период поздней Античности, повлияли и на положение иудеев, и на отношение к ним. Церковные и светские власти в государстве, которое провозгласило христианство господствующей религией, пытались ограничить, запретить иудеев в рамках собственного общества. Хотя принимавшиеся законы давали гарантии иудейской религии, предусматривая защиту ее исповедников, хотя сохранялись у иудеев некоторые привилегии и даже устанавливалась определенная автономия иудейских общин (в экономической и судебной деятельности), все же очевидны были ограничения в правах и в некоторых сферах повседневной жизни. Если активное воспрепятствование прозелитизму (через обращение христиан, рабов-христиан, межконфессиональные браки) отчасти является продолжением имперской политики еще языческих императоров, то другие запреты, например, на занятие административных должностей, связаны с христианизацией Империи. Впрочем, не нужно забывать и о частом пренебрежении этими законами и о неспособности властей контролировать их исполнение.

Изменилось не только правовое положение иудеев. Христианизация, общий кризис Империи привели к некоторому перераспределению власти на местах, когда зачастую епископы стали обладать также административными полномочиями. В своем стремлении оградить христиан от иудеев они вполне могли использовать как законные (постановления церковных соборов), так и незаконные методы. Иногда их религиозное рвение (а порой лишь прикрываемое религиозными соображениями) выражалось в попытках насильственного крещения, разрушении или преобразовании в церкви синагог, изгнании упорствующих иудеев из города.

Но враждебность присутствовала не везде и проявлялась далеко не всегда. Как правило, иудеи по-прежнему оставались обычными гражданами, мирно взаимодействовали с христианами, и даже в период христианизации могли чувствовать себя вполне уверенно и занимать привилегированное положение в обществе, иметь определенный социальный статус. Несмотря на возникавшие конфликты, повседневное взаимодействие в основном оставалось мирным. Но также можно отметить, что отгораживание от иудеев и укрепление рамок, в которых им было позволено существовать, возможно стало началом той политики, которая проводилась в отношении иудеев уже в средневековой Европе.

Список литературы

1. Грушевой А. Г. Иудеи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 484 с.
2. Солодовников В. В. Первые Галльские соборы. IV—V вв. М.: Духовная академия Содружества евангельских христиан России, 2008. 208 с.
3. Тюленев В. М. Максим Туринский: проповедник и его паства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 82—88.
4. Цивилева В. Е. Письмо Севера Меноркского: предварительные замечания // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново, 2020. С. 5—13.
5. Bradbury S. Severus of Minorca. Letter on the Conversion of the Jews. Clarendon press. Oxford, 1996. 141 p.
6. Brown P. Christianization and religious conflicts // The Cambridge Ancient History. Vol. XIII. The Late Empire, A. D. 337—425 / ed. by A. Cameron. Cambridge University Press, 1997. P. 632—664.
7. Cameron A. Christian Conversion in Late Antiquity: Some Issues // Conversion in Late Antiquity: Christianity, Islam, and Beyond. Papers from the Mellon A. W. Foundation Sawyer Seminar, University of Oxford, 2009—2010. P. 3—22.
8. Parkes J. The conflict of the church and the synagogue: A study in the origins of anti-semitism. Cleveland and New York. The Jewish publication society of America, Philadelphia, 1961. 434 p.
9. Testa R. L. The Late Antique Bishop: Image and Reality // A companion to late Antiquity / ed. by P. Rousseau. Blackwell Publishing, 2009. P. 525—539.

УДК 85.374.3(2)6
 ББК 791.43.05(470)
 DOI: 10.46726/И.2020.4.14

К. А. Юдин

СОВЕТСКАЯ КИНОПОЛИТИКА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (КОНЕЦ 1970 — НАЧАЛО 1990-Х ГГ.)*

В статье исследуется советская политика в сфере кинематографии / кинополитика, проводившаяся в конце 1970 — начале 1990-х гг. Показывается сложный структурно-функциональный облик кинополитики. С одной стороны, она выступала репрезентативным отражением и резонансом на события «холодной войны». С другой стороны, весомое значение приобретала творческая активность театрально-кинематографической интеллигенции, установление приоритетов и направлений ее деятельности, не укладывавшихся в линейные схемы. Автор приходит к выводам о планомерно нарастающей напряженности в отношениях между властью и кинематографистами, приведшей к деструкции советской системы кинопроизводства и политического строя в целом. На институциональном уровне это выразилось в острой оппозиции между официальными структурами — партийно-государственным аппаратом, контрольно-надзорными ведомствами, и общественными организациями, прежде всего,

© Юдин К. А., 2020

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

• Серия «Гуманитарные науки»